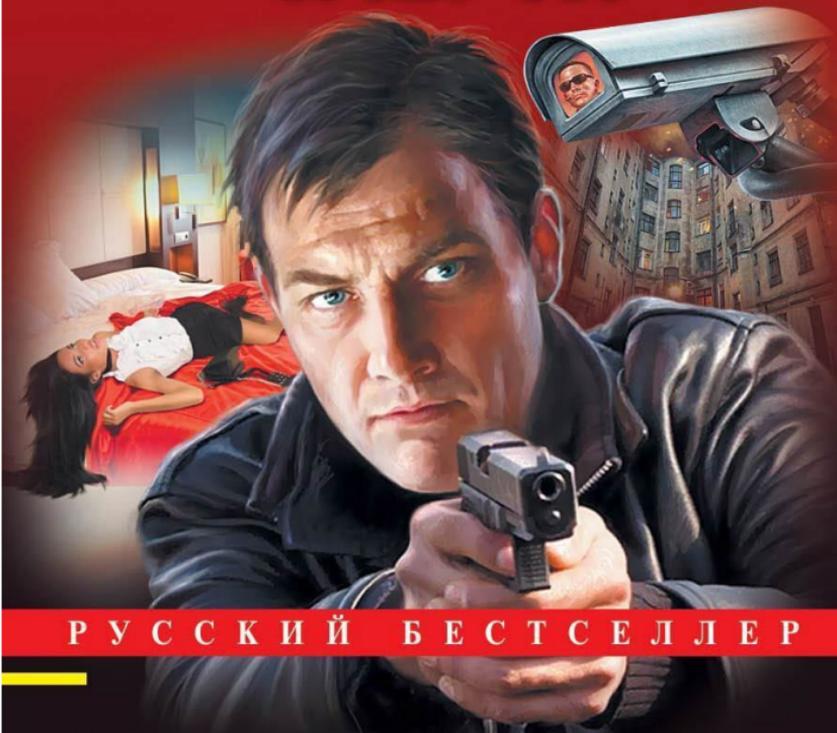

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Предсказатель СМЕРТИ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев
Предсказатель смерти
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57401899

Предсказатель смерти / Николай Леонов, Алексей Макеев: Эксмо;

Москва; 2020

ISBN 978-5-04-112396-3

Аннотация

Первой жертвой стал сосед Гурова по подъезду. Полковник сам случайно обнаружил труп, а рядом с ним странную надпись. Вскоре было совершено второе убийство. И опять – надпись и непонятный натюрморт. Опытный сыщик предполагает, что это не просто случайные вещи, а подсказки, указывающие, где будет совершено следующее преступление. В какой-то момент Гуров с ужасом понимает, что очередной мишенью убийцы должна стать... его жена Мария. Похоже, таким образом кто-то сводит счеты с самим Гуровым. Но кто? Полковник спешит вычислить злоумышленника, ведь времени, чтобы предупредить новое убийство, у него практически не остается...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	20
Глава 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Николай Леонов, Алексей Макеев Предсказатель смерти

Пролог

Август в этом году получился невероятно холодным. Температура за окном даже днем редко поднималась выше +15 °С, и синоптики по всем теле- и радиоканалам вдохновенно вещали, что подобных природных катаклизмов не было с заросшего мхом 1916 года. Солнце, если и выглядывало днем из-за туч, было маленьким и злым, словно в конце февраля. А резкий, почему-то пахнувший прелой осенней листвой, холодный ветер только усиливал впечатление, что лето безвозвратно ушло, и тем, кто не успел отдохнуть во время выходных на Медвежьих озерах, Клязьме или Истре, для купания теперь придется отправляться на юга.

Гурова температурные перепады мало трогали, как и разговоры о глобальном потеплении, переходящем в не менее глобальное похолодание, которые из-за непогоды стали вести заговорщицким полусшепотом почти на каждой московской кухне. Он вообще спокойно относился к перепадам температуры, не слишком жалуя лишь две крайности –

липкую жару и обжигающий холод, и августовские +15 °С воспринимал вполне комфортно. Работал у себя в кабинете, приводил в порядок материалы по последнему делу, подготавливая их к сдаче, а заодно возился с документами, которые подкинул ему Крячко. Станислав ненавидел любые отчетности и доклады и всячески старался увилывать от бумажной работы. Гуров относился с легкой иронией к подобному неприятию другом любой канцелярской деятельности и вырочал его, когда была возможность.

Сегодня она как раз появилась. Лев еще утром закончил раскрытие очередного дела и сейчас неспешно подготавливал материалы для передачи в прокуратуру. Конечно, он мог бы закончить составлять отчетность побыстрее и заняться расследованием странной смерти одной из закатившихся звезд московского балета, но делать этого не стал. Во-первых, был почти на сто процентов уверен, что не объясненная пока смерть – всего лишь нелепый несчастный случай, а во-вторых, продолжать расследование без предварительных результатов экспертизы на руках было полной бессмыслицей. Именно поэтому Гуров согласился помочь Станиславу привести в порядок его бумаги.

Он аккуратно подшивал очередной лист в материалы одного из дел Крячко, которые до этого валялись в папке в абсолютном беспорядке, и тут на столе зазвонил рабочий телефон. Догадываясь, кто звонит, Лев недовольно покосился на аппарат, но трубку все-таки снял.

– Лева, мне тебя цугундером к психологу на прием гнать? – раздался недовольный голос генерала Орлова. – Тебе сколько раз напоминать, что у нас плановое обследование у психолога для тех, кому оружие на постоянное ношение разрешено? Я тебе неделю назад говорил об этом. Все уже прошли, один ты неизвестно где колобродишь. Марш быстро на обследование!

– Петр, ты же знаешь, как я к этим «мозгоправам» отношусь, – устало проговорил Гуров. Подобные пререкания, длились с тех самых пор, когда приказом учредили в полиции должность психолога. – Скажи ему, чтобы он мне там галочку поставил, где нужно, и закончим с этой темой.

– Лева, не начинай! – рявкнул Орлов. – Психолог мне не подчиняется. У него свое начальство есть.

– Так позвони этому начальству. Не буду я на его идиотские вопросы отвечать и шарлатанские заключения выслушивать. Свяжись с министерством, реши уже этот вопрос наконец. Я не морская свинка, чтобы во всяких опытах и исследованиях участвовать.

– Ты же знаешь, что это приказ министра. Если откажешься от обследования у психолога, буду вынужден тебя от службы отстранить, – отрезал генерал и тут же передразнил сыщика: – «Свяжись с министерством»! Мне по фуражке дают, если я с такими заявлениями в министерство поеду.

– Что выросло, то выросло, – вздохнул Лев. – Платон мне друг, но пенсия дороже.

– Какой Платон? – удивился Орлов.

– Не забивай себе голову, – отмахнулся Гуров. – Сейчас пойду к твоему психологу.

– Он не мой! – отрезал генерал. – А ты... иди-ка ты... к психологу, Лёва! – обиженно добавил он и повесил трубку.

По размеру кабинет у «врачевателя душ» оказался примерно таким же, какой делили между собой Гуров и Крячко, вот только обстановка в нем была куда приятнее. Вся мебель практически новая, а значительную часть пространства кабинета занимали кожаный диван, два мягких кресла и журнальный столик между ними. Когда Лев вошел в кабинет, «мозгоправ» мгновенно поднялся с кресла и двинулся навстречу с улыбкой, которая показалась ему настолько отвратительно-слащавой, что он едва сдержал гримасу отвращения.

Сергея Игнатьевича Прохорова Гуров не любил, и за то недолгое время, которое тот успел проработать штатным психологом в Главке, уже успел несколько раз с ним поссориться. Последний раз – год назад, когда проходил аналогичное обследование в этом же кабинете. Правда, обстановка в штаб-квартире психолога тогда была попроще и поскромнее.

– Проходите, Лев Иванович. Присаживайтесь, где вам будет удобно, – радушно проговорил Прохоров, протягивая руку, которую Гуров после секундных раздумий все же пожал.

– Сергей Игнатьевич, может быть, сегодня обойдемся без

глупых вопросов и дискуссий из-за них? – без особой надежды проговорил он. – Давайте я распишусь у вас в документах, а вы уж без меня составите отчет и отдадите его своему начальству. Уверяю вас, мое состояние за прошедший год ничуть не изменилось, и нести службу я в состоянии.

– А вот это не очень хорошо, Лев Иванович, если ваше состояние с прошлогоднего обследования не слишком изменилось, – с сожалением в голосе ответил психолог. – У вас уже тогда наблюдались проявления немотивированного деструктивного поведения, а это может отрицательно сказаться на вашей способности выполнять служебные обязанности и создать опасные условия как для вас самого, так и для тех, с кем вы контактируете.

– И насчет немотивированности моего поведения, и насчет того, для кого оно может представлять опасность, я мог бы с вами поспорить, но это бесполезно, – констатировал Гуров. – Да и не мой это курятник. Давайте приступать. Что сегодня будем делать? Дерево вам нарисовать? Стишок прочитать? Песенку сплясать?

– Лев Иванович, что вас так беспокоит? Какая сейчас мысль доминирует? – не обратив внимания на издевку, поинтересовался психолог. – Что вы сейчас, именно в это момент, ощущаете?

– Господи, да это и без психологов-шарлатанов любой понять может, – фыркнул Лев, и Прохоров сделал какую-то пометку у себя в блокноте. – Сейчас меня беспокоит то, что

я впустую трачу свое время, и в моей голове доминирует мысль, что того идиота, который придумал заставлять сыщиков проходить ежегодные обследования у «мозгоправов», неплохо бы самого к психиатру отправить. А ощущаю я сейчас лишь разочарование от общения с вами. Этого достаточно? Я могу идти?

– Почему вас так раздражают психологи? – вместо ответа задал новый вопрос Прохоров.

– Сергей Игнатьевич, разве я раздражен? Вы еще раздраженным меня не видели. И не советую доводить меня до такого состояния, – вкрадчиво проговорил Лев.

– То есть вы сами понимаете, что вы способны к деструктивному поведению и в таком состоянии представляете угрозу для окружающих? – спокойно поинтересовался психолог. – Скажите, а вы дружили бы сами с собой?

– Я со своей головой дружу в первую очередь. Впрочем, вам это вряд ли удастся понять, – отрезал Гуров, а Прохоров, сделав новую пометку, улыбнулся.

– Не буду с вами спорить, Лев Иванович. Но в жизни есть ситуации, когда не всегда следует принимать решение, которое изначально кажется разумным. Скажите, пойти на преступление, чтобы накормить голодного ребенка, это плохо, или это вынужденная необходимость?

– Насчет того, готов ли я пойти на преступление ради голодного ребенка, я не поручусь, а вот преступить закон, чтобы избавить десятки людей от пыток неуместными вопроса-

ми, вполне способен, – язвительно ответил Гуров, и блокнот психолога пополнился еще одной пометкой.

– Если на двух разных планетах поселить только женщин и только мужчин, какая судьба ждет каждую из планет? – задал новый вопрос Прохоров.

– Вы еще спросите меня, какую из этих планет я бы выбрал для жизни, – чуть ли не процедил Лев и резко поднялся со своего места. – Я думаю, на сегодня глупых вопросов достаточно.

– Лев Иванович, мы еще не закончили, – с нажимом проговорил психолог.

– Может быть, вы, Сергей Игнатьевич, и не закончили, а я беседу с вами завершил, – усмехнулся Гуров и вышел из кабинета. – Не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся!

В коридоре он едва сдержал раздражение, вызванное бестолковым, с его точки зрения, разговором с Прохоровым. Лев считал психологов новыми шарлатанами, придумавшими новый способ относительно честного отъема денег у населения. А одного из основателей психоанализа, Зигмунда Фрейда, методы которого в том числе использовали его современные коллеги, и вовсе считал искусным манипулятором, нашедшим рабочие способы заставить людей поверить в новую религию под названием «психология». То, что и до российской полиции дошла мода держать в штате психологов, казалось ему бессмысленной тратой средств на их зарплату и содержание и откровенным самодуством руковод-

ства. Конечно, случаи, когда полицейские «сгорали» на работе и срывались на подчиненных, пострадавших, а чаще на преступниках, иногда случались, но Гуров был уверен, что никакие беседы с психологами не в состоянии предотвратить этих срывов, а от их последствий даже психиатры не всегда смогут излечить. Но больше всего не нравилась появившаяся тенденция привлекать к расследованию сложных дел как штатных полицейских психологов, так и вовсе сторонних специалистов этой профессии. Лев был уверен, что, изучая чьи-то труды по книгам, понять психологию преступника невозможно, если ее вообще можно понять, и готов был спорить до хрипоты, что любой следователь, несколько лет проработавший в своей профессии, понимает поступки и мотивы преступников куда лучше, чем самый титулованный психолог.

Он вздохнул и посмотрел на часы. Рабочий день заканчивался, и уже можно было спокойно отправляться домой, но недоделанные отчеты не хотелось откладывать на завтра. Тем более что его супруга, актриса Мария Строева, репетировавшая сегодня в театре роль Зоськи в пьесе Тадеуша Слободзянека «Наш класс», освободится только часа через два с половиной, и до этого времени Лев хотел завершить все дела, чтобы заехать за ней в театр. Вернувшись к себе в кабинет, он вновь взялся разгребать документы Станислава, но тут на столе снова зазвонил телефон.

– Немедленно зайди ко мне! – прорычал в трубку генерал.

Едва Гуров переступил порог генеральского кабинета, Орлов, не вставая с места, поднял на него глаза и устало проговорил:

– Лёва, ну что ты опять творишь? Зачем опять с психологом сцепился и что ты ему наговорил? Неужели нельзя просто, как и все остальные, ответить на его вопросы, а затем спокойно уйти? Ты знаешь, что он про тебя тут понаписал?

– Петр, я все время удивляюсь, как тебя дома терпят? – хмыкнул Лев, усаживаясь на стул. – Ты же все время ворчишь и вопросами сыпешь, как сварливая бабка. Ну написал там что-то неприятное этот шарлатан, ну и что? Мир перевернулся?

– Мир не перевернулся, а вот тебе переворачиваться придется, – чуть обидевшись, констатировал генерал. – С завтрашнего дня уходишь в краткосрочный отпуск.

– С какого перепуга? – удивился Гуров.

– С такого! – рявкнул в ответ Орлов. – Согласно заключению Прохорова, тебя вообще стоит немедленно отстранить от службы и назначить в отношении тебя служебную проверку. Самое меньшее, что я могу сделать, это в отпуск тебя прогнать. Ты, кстати, давно уже не отдыхал. Так что ближайшие пять дней можешь в Главке не появляться.

– Петр, ты этому шарлатану веришь?! – возмутился Лев.

– Никого ни хрена не волнует, во что верю я. Ты не хуже меня знаешь закон «О полиции» и полномочия штатного психолога. Знаешь и то, как к этим заключениям относятся

в министерстве, особенно когда они касаются следователей по особо важным делам. В общем, вопрос решен. С завтрашнего дня ты в краткосрочном отпуске для поправки пошатнувшейся нервной системы. Это не предложение, а приказ. Я запрещаю дежурным в Главк тебя пропускать.

– Даже так? – протянул Гуров и поднялся со стула. – Разрешите исполнять, товарищ генерал-лейтенант?

– Лева, да не строй ты из себя обиженного ребенка, – взмолился Орлов. – Некоторые, вон, отпуска дожидаться не могут и со службы домой бегут так, словно их тут черти на сковородке жарят, а тебя на отдых выгонять пинками приходится. Отправишься на рыбалку или, там, по грибы... В общем, я все сказал и уговаривать тебя не намерен. Иди отсюда и глаза мне больше не мозоль! А в следующий раз подумаешь, как тебе с психологом общаться.

Когда Гуров закончил работу с документами, он немного успокоился, хотя чувство несправедливости продолжало накатывать волнами. Ему не зря поручали самые трудные дела, поскольку он считался (и небезосновательно!) одним из лучших «сыскарей» в столице. А тут человек, еще несколько лет назад видевший преступников только по телевизору, читает им лекции, проводит семинары и занятия, рассказывая, как правильно строить розыск бандитов, основываясь на психологическом портрете абстрактного нарушителя закона. Более того, этот шарлатан самолично выносит заключение, годится ли следователь для выполнения своих обязанностей, и

может одним росчерком пера отстранить его от службы.

Лев пытался утешить себя тем, что вынужденный отпуск – не так уж и плохо, можно на пару дней махнуть с Марией куда-нибудь в Подмосковье, где воздух почище и меньше суеты, но эта перспектива радовала мало. Как только он начинал представлять себе отдых за пределами столицы, как тут же вспоминал, кто именно отправил его в краткосрочный отпуск, и обида на высшее полицейское руководство, утвердившее нелепые правила психологических тестов на манер западных силовых структур, вновь вспыхивала в душе. Трудно смириться с тем, что уровень его профессиональной пригодности определяет человек, чрезвычайно далекий от настоящей полицейской работы.

В конце концов, устав терзать себя, Гуров спешно закончил работать с документами и отправился в театр за Марией, прихватив по дороге бутылку настоящего армянского коньяка. А почему бы и не отметить внезапно свалившийся отпуск, пусть он и случился из-за несправедливого вывода шарлатана? Поймав себя на мысли, что вновь и вновь, как обиженный мальчишка, возвращается думами к нелюбимому психологу Прохорову, Лев коротко выругался и постарался думать только о жене, пытаясь угадать, как она отреагирует на новость о том, что пару дней они смогут вместе побездельничать на природе.

Когда Мария появилась из дверей и легкой, грациозной походкой направилась к машине мужа, Гуров в очередной

раз удивился тому, как ему удалось завоевать сердце этой прекрасной женщины, и поблагодарил судьбу за то, что она свела их вместе. Строева несла с собой довольно объемный пакет, но Лев этому не удивился – высокопоставленные поклонники, которым иногда разрешают присутствовать на репетиции, очень часто приносят актрисе всевозможные подарки. Один раз даже детеныша пантеры пытались всучить!

– Как прошла репетиция? – спросил он после того, как Мария села в машину и они поздоровались легким поцелуем.

– Как обычно, – хмыкнула Строева. – Опять эта дура Чемоданова запоролла три сцены подряд. Эта корова то реплики перепутает, то не в тот угол ползет, то вообще слова позабудет. Я, конечно, понимаю, что она молодая и даже, может быть, не лишена таланта, но подпускать ее к таким серьезным пьесам, как «Наш класс», даже на пушечный выстрел нельзя. Пусть сначала на детских утренниках потренируется!

Слушая беспечный рассказ жены, Лев почувствовал, как обида и раздражение постепенно начинают отпускать его. Мария иронично рассказывала о ходе репетиции и членах труппы достаточно долго, пока, решив поправить прическу, не увидела бутылку коньяка на заднем сиденье.

– Опа! – удивилась она. – И что у нас сегодня за праздник? Или ты взятки учишься брать?

– Нет. Взятки – не мой курятник, – усмехнулся Лев. –

Представляешь, меня сегодня Петр в отпуск выгнал.

– Слава тебе господи! – театрально воскликнула Строева. – А я уже думала, что этого в ближайшую пятилетку не случится. И как это он смог с твоим знаменитым упрямством справиться?

– Не без помощи врагов, – с тенью досады проговорил Гуров и рассказал жене о встрече с психологом.

Мария слушала его внимательно, прекрасно зная о том, какое отношение у Гурова к психологам. Более того, она тоже посчитала, что отстранять ее мужа от службы по заключению вчерашнего гражданского было абсолютно несправедливо, и выразила эти чувства коротким, почти мужским ругательством. Ругалась Мария редко, но когда делала это, то всегда вызывала какой-то неподражаемый восторг у Гурова, и, услышав, куда и зачем она послала Прохорова и чиновников из министерства, он невольно рассмеялся.

– Вот и правильно! – улыбнулась Мария. – Хрен с ними со всеми! Зато отдохнешь немножко от постоянных погонь за своими бандитами. Кстати, удивительное совпадение, но сегодня мне подарили корзину с армянскими фруктами и орехами, которые отлично подойдут для закуски к коньяку.

– А с чего ты взяла, что фрукты армянские? – удивился Лев, который отлично знал, что коньяк лучше всего закусывать фруктами из той местности, где он был произведен.

– Так мне их новый поклонник подарил. Он и сказал, что фрукты из Армении. Правда, этого поклонника и новым-то

назвать нельзя. Просто он так давно не приходил, что я его с трудом вспомнила.

– И кто такой? – поинтересовался Гуров, в душе которого заиграла ревность, хотя такое бывало крайне редко.

– Честно говоря, как его зовут, я не помню, – чуть кокетливо ответила Строева, женской интуицией уловив, какие именно чувства испытывает ее муж. – Впрочем, ты и сам его вспомнить можешь. Когда ты только начинал за мной ухаживать, этот тип часто мне надоедал, и ты его тогда жестоко отшил. Мне показалось в тот момент, что даже чересчур жестоко, и он явно выглядел униженным. Я даже не знаю, кем он работал и какую должность занимал, но за кулисы пробирался легко. Даже тогда, когда я просила его не пускать. Ну, вспоминай! Он все время аристократа из себя строил...

– Маш, честно, не помню, – усмехнулся Лев, осознавший, что поводов для ревности жены попросту не существует. – Когда мы с тобой общаться начали, по-моему, я не один десяток надоедливых нахалов от тебя отогнал. Запомнишь разве всех?

Непринужденно беседуя, супруги добрались до своего дома. Гурова почти окончательно успокоила беседа с женой, и лишь одно подозрительное совпадение бередило душу: почему ей сегодня подарили именно армянские фрукты? Зачем этот поклонник сказал, откуда ему доставили подарок, и кто он вообще такой? Впрочем, думал Лев об этом совсем недолго. Войдя в подъезд, все его мысли тут же сосредото-

чились на Марии и приятном вечере перед отпуском, который они проведут вместе с женой.

Глава 1

Гуров едва дождался окончания вынужденного отпуска. В первый же день, даже не поставив с вечера будильник, он по привычке проснулся в половине шестого и испуганно соскочил с кровати, решив, что проспал на службу. Лишь добравшись до кухни и автоматически включив кофеварку, сообразил, что как раз сегодня ему никуда спешить не нужно. Сон, конечно, как ветром сдуло, и Лев, включив на кухне телевизор, бездумно пялился в него, дожидаясь, пока проснется Мария.

Она встала в хорошем настроении и тут же принялась собирать вещи для пикника на Медвежьих озерах, куда они решили отправиться еще со вчерашнего вечера. Впрочем, по мнению Гурова, и эта затея полностью провалилась. Избежать пробок по дороге не удалось, и добрались они до озер примерно к полудню. А тут неожиданно налетел ледяной ветер, притащил с собой тучи, и уныло заморосил настоящий осенний дождь, окончательно испортив единственный за долгое время пикник на природе.

Супруги вернулись домой настолько измотанные дорогой, что им казалось, будто они и не отдыхали весь день, а разгружали на железной дороге мешки с цементом. Мария попыталась шутить на эту тему, пока готовила ужин, но и ее чувство юмора быстро иссякло, и оба, слегка перекусив, непривычно

рано для себя завалились спать.

Следующие дни прошли ничуть не увлекательнее предыдущего. В первую очередь из-за того, что Марию неожиданно выдернули в театр. Оказалось, что режиссеру незадолго до премьеры вдруг пришла в голову гениальная мысль, как по-новому преподнести в спектакле «Наш класс» идеи Слободзянека, и всю постановку начали делать практически с чистого листа. Строева, игравшая ведущую роль, пропадала в театре с обеда и до позднего вечера, невольно оставив Льва в одиночестве.

Он пытался сам себя чем-то занять. Бродил пешком по Москве, но то и дело натыкался на места, связанные с раскрытием какого-либо преступления, что тут же возвращало его к мысли о фактическом отстранении от службы и к тому, кто в этом виноват. Подобных мест оказалось очень много, и он так и не смог понять, то ли его ноги сами несли туда, где ему приходилось много и усердно работать над раскрытием преступлений, то ли таких мест, которые никак не были связаны с делами Гурова, в Москве и вовсе не осталось.

Пять дней отпуска тянулись невыносимо долго еще и потому, что ни с сослуживцами, ни с друзьями Гуров практически не общался. Орлову Лев принципиально не звонил, хотя и понимал, что генерал не виноват в его вынужденной отправке в отпуск, когда звонил сам генерал, то разговоры выходили какими-то скомканными, словно оба не знали, о чем вообще говорить. Крячко, правда, забегал в гости па-

ру раз, но во время каждого визита все разговоры начинали сводиться к полицейским расследованиям. Гуров старался сделать вид, что получает огромное наслаждение от вынужденного безделья, и обсуждать раскрытие преступлений отказывался категорически. Получалось это плохо, и Станислав, уже через несколько минут начинавший чувствовать какую-то нелепую неловкость и вину перед другом, торопился смыться, чтобы не усугублять напряженность ситуации. И лишь когда закончился последний день отпуска, Гуров, ложась спать, вздохнул с облегчением: «Завтра снова на службу!»

Утром он проснулся вместе с будильником и начал собираться в Главк, стараясь не будить Марию. Спокойно выпил кофе, взял с тумбочки в коридоре ключи от автомобиля, но, выйдя за дверь, чуть не выругался во весь голос: на лестничном пролете, ведущем на верхний этаж, лежал труп.

Гурову даже не нужно было осматривать тело, чтобы это понять. Мужчина лежал лицом вниз на лестничной площадке между этажами, и его взъерошенная голова, из-под которой набежала лужица крови, свешивалась с верхней ступеньки. Лев осторожно, стараясь не наделать шума, прикрыл за собой дверь и прислушался – в подъезде стояла тишина. Легко взбежав вверх, он выглянул в окно, ведущее во внутренний двор. Там тоже ничего подозрительного не наблюдалось. Редкие прохожие шли по своим делам, но поблизости от подъезда никакого движения не было. Тогда он нахло-

нился к телу и пощупал пульс на шее. Удостоверившись, что человек мертв, Лев набрал номер начальника ближайшего отдела внутренних дел и потребовал выслать следственную бригаду.

Тело мужчины еще не остыло, и даже без экспертов было ясно, что убили его совсем недавно. Вероятность того, что преступник оставался до сих пор в подъезде, была достаточно велика, и Лев, спустившись на свою лестничную площадку, заблокировал двери лифта, не давая возможности вероятному убийце им воспользоваться и ускользнуть, а затем вернулся на место преступления. Инстинкты сыщика буквально подталкивали его провести первичный осмотр.

Первое, что бросилось в глаза, это странная надпись на стене лестничной площадки, которой раньше здесь точно не было. По крайней мере, краска выглядела совсем свежей. *«В отчасти лишь основе всех нормален»* – гласила странная надпись, не вызвавшая у Гурова никаких ассоциаций, кроме той, что написавший ее человек «отчасти лишь нормален». Или ненормален вообще!

Он внимательно осмотрелся вокруг. В северо-восточном углу лестничной площадки валялся осколок автомобильного плафона и розовый обмылок. Неподалеку от правой руки трупа валялся обрывок от коробки из-под сока со штрихкодом, а почти рядом с ним лежала старая, потертая обложка от студенческого билета. Гуров прекрасно знал, как следят за чистотой в подъезде его дома, и эти вещи явно были здесь

неуместны. Либо их рассыпал потерпевший, либо принес с собой убийца, что более вероятно. В любом случае он решил указать на посторонние предметы следственной группе, которая прибудет на место преступления, чтобы их приобщили к вещдокам, а не сочли за обычный мусор, которым завалены лестничные площадки большинства домов.

Только после того, как закончил осматривать место преступления, Лев внимательно посмотрел на труп. Судя по всему, убитый был его соседом по подъезду, который проживал этажом выше. Звали его Виктор Ушаков, а вот отчества погибшего он не знал, поскольку с соседом они практически не общались – лишь здоровались, когда встречались в подъезде или во дворе. Правда, встречались довольно часто, поскольку на работу обычно выходили примерно в одно и то же время. Сегодня, судя по всему, тоже было так, а это значит, что убили Ушакова буквально за несколько минут до того, как Гуров вышел из своих дверей.

Не совсем было понятно, почему сосед с верхнего этажа решил спуститься по лестнице. Возможно, убийца позвал Ушакова. А может, так же как и Гуров, заклинил двери лифта, чтобы иметь возможность быстро скрыться с места преступления.

Первый вариант вообще никак не характеризовал личность убийцы. Он мог знать Ушакова, а мог просто попросить у него помощи в чем-то, чтобы заманить на лестничную площадку. В этом случае нельзя было утверждать, что

преступление спланировано заранее. А вот во втором варианте становилось очевидным, что преступник подготовился к преступлению и действовал по продуманному плану.

Едва Гуров закончил предварительный осмотр, как к его подъезду, завывая сиренами и сверкая проблесковыми «маячками», подлетели сразу три патрульные машины, передвижная криминалистическая лаборатория и карета «Скорой помощи». Лев улыбнулся, увидев, как из патрульной машины выбирается подполковник Иващенко, возглавлявший отдел полиции их района. Иващенко влетел наверх одним из первых, не забыв распорядиться, чтобы один из патрульных остался снаружи у дверей.

– Лев Иванович, с тобой все в порядке? – запыхавшись от подъема, спросил он.

– И ты здравствуй, Кирилл Сергеевич, – кивнул Лев. – Я в норме, а вот моему соседу повезло меньше. Точнее, совсем не повезло.

– Так ты его знаешь?

– Знаю, – ответил Лев и вкратце изложил все, что знал о соседе, а затем указал «следакам» на то, что ему удалось обнаружить рядом с трупом.

Пока один из следователей записывал на диктофон его показания, второй отправился наверх и начал звонить соседям, пытаясь найти возможных свидетелей преступления или просто тех, кто заметил что-нибудь необычное, а третий сотрудник полиции принялся сам осматривать лестничную

площадку, надеясь найти что-то, чего не заметил Гуров.

– Лев Иванович, это мои лучшие следователи, и они в твоём распоряжении, – произнес Иващенко.

– Кирилл Сергеевич, я тут просто очевидец, и расследовать это дело не собираюсь, – покачал головой Лев. – Знаю, парни у тебя толковые, сами и разберетесь. Тем более что у меня и своих дел хватает.

– Ну, как скажешь, – развел руками подполковник. – Тогда бывай! Если понадобится что-то, я тебе позвоню. Хотя и жаль, что ты руководить расследованием не хочешь. Мои парни, хоть и молодцы, у тебя бы им поучиться не мешало!

– Что выросло, то выросло, – хмыкнул Гуров и, не разблокируя лифта, пошел вниз.

Из подъезда ему удалось выйти только после того, как он показал патрульному свое удостоверение: парень явно проявлял рвение, зная о том, что труп внутри дома обнаружил «важняк» из Главка, и не хотел получить выговор за нерадивое несение службы. Увидев корочки полковника, сержант козырнул и почтительно посторонился, выпуская его на стылый утренний воздух. Лев с улыбкой поблагодарил парня за бдительность и направился к своей машине.

Всю дорогу до Главка Гуров размышлял над утренним убийством. Конечно, трупы видеть ему приходилось далеко не впервые, но не у самых дверей своего дома. Его это преступление, совершенное утром, да еще и прямо под носом у одного из лучших «сыскарей» Москвы, почему-то задело.

Он никак не ожидал, что убийцы в столице настолько обнаглели, тем более этот район считался одним из самых спокойных и благополучных во всей Москве.

В этом преступлении казалось нелогичным все. С какого перепугу убийце понадобилось делать на стене бредовую надпись, если это, конечно, он ее сделал? Откуда взялся хлам, разбросанный по площадке, который еще и выглядел так, словно какой-то сумасшедший коллекционер собирал его в мусорных баках? Да и убийство соседа было непонятным. Он, конечно, мужик не нищий, но и большого богатства не имел... Впрочем, врагов заводить небольшое состояние бюджета еще никому не мешало! К тому же Лев вообще не знал, чем занимался Ушаков. Решив, что к вечеру нужно будет поинтересоваться у Иващенко, как идет расследование, он постарался выкинуть мысли о нем из головы и сосредоточился на встрече с Орловым, осознав, что из-за этого дурацкого отпуска вел себя как ребенок. Сразу по приезде в Главк надо извиниться перед генералом за свое мальчишеское поведение.

За то время, которое Гуров провел в «ссылке», в Главке, естественно, ничего не изменилось, как никуда не делись и привычки Крячко, который, по обыкновению, редко появлялся на службе вовремя. Лев только и успел, что включить компьютер, чтобы посмотреть сводку преступлений, переданных в ведение Главка, как Орлов вызвал его к себе в кабинет.

– Присаживайся. Как отдохнул? – спросил он.

– Твоими молитвами, – улыбнулся Лев. – Сам же знаешь,

Петр, не умею я отдыхать.

– Ага. Есть у меня для тебя работенка. Вчера на Ленинградском проспекте, в районе пересечения с улицей Крупской, на одну даму было совершено разбойное нападение. Двое неизвестных, по ее словам, напали на женщину, запихнули в машину, отвезли к банкомату и, угрожая оружием, заставили обналичить все деньги, которые были на карте. Сейчас дело в отделе полиции по Ломоносовскому району. Забери его себе и работай.

– Петр, ты шутишь, что ли? – удивленно посмотрел на Орлова Гуров. – Это же рядовой грабеж, каких в Москве по два десятка в день случаются. С этим же даже стажер справиться может. У нас что, важнее дел нет?

– Лева, если я тебе это дело отдаю, значит, есть на то причины, – вздохнул генерал.

– И какие же? Опять тебя сверху попросили?

– Попросили. И не только, а даже приказали. Во-первых, она жена какого-то банкира, который дружит с Изметьевым из министерства. Мне вежливо намекнули, что для всех будет лучше, если расследованием дела займется Главк.

– Намекнули или приказали?

– Ты меня перебивать когда-нибудь перестанешь? – огрызнулся Орлов. – Сам стал хуже ворчливой бабы, а еще на меня поклепы наводил. Правильно Прохоров сказал, что

тебе следует хотя бы месяц над более простыми, чем обычно, делами поработать.

– Чего?! – Гуров едва не подскочил на стуле, на котором сидел.

– А того! – рявкнул генерал. – Во-первых, это приказ, а во-вторых, Прохоров отправил в министерство рекомендации по поводу твоей дальнейшей службы. Там черным по белому написано, что тебя временно следует перевести к расследованию преступлений средней и меньшей тяжести, поскольку чрезмерные нагрузки на твое психологическое состояние могут отрицательно сказаться на здоровье. Вчера мне пришли соответствующие рекомендации из министерства. Я пытался поговорить с Прохоровым, но убедить его не смог. А теперь и сам вижу, что нервишки у тебя пошаливают. Вот и займись «рядовым грабежом», как ты сам сказал. И обществу, и тебе это пойдет на пользу.

– Значит, тобой уже полуштатские сотрудники командовать начали? – язвительно проговорил Лев.

– Думаешь, мне самому это нравится? – взревел Орлов. – У меня этот психолог хренов уже поперек горла стоит! Но пока его в министерстве поддерживают, что-то изменить я не в состоянии.

– Ладно, не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся! – махнул рукой Гуров, поднимаясь со стула. – Извини, Петр, может, я действительно погорячился. Сам понимаю, что окончательные решения не всегда тебе удастся прини-

мать.

– Не извиняйся, Лева. Все мы тут на нервах в последнее время. То проверки, то отчеты, то обследования, а затем снова проверки, – примирительно произнес генерал. – Ты разберись с этой дамочкой побыстрее да за нормальные дела принимайся. А я уж придумаю что-нибудь, чтобы тебе этот психолог недоделанный больше не мешал.

– А вот за это я тебе буду благодарен, – усмехнулся Лев. – Дело уже в Главке?

– Нет, конечно, – фыркнул генерал. – Мне ведь только вежливо намекнули, чтобы мы его себе забрали. Езжай в Ломоносовский отдел, сразу на месте разбираться будешь. В общем, чего я тебя учу? Сам сориентируешься...

Первоначальное раздражение на штатного психолога, вспыхнувшее во время разговора с Орловым, окончательно сошло на нет, когда Лев спустился во двор Главка. Действительно, человек просто делал свою работу, как умел, и расстраиваться из-за заключений, сделанных Прохоровым, было просто глупо. Гурову и раньше приходилось заниматься не совсем профильными делами, которые взваливали на его плечи по указаниям из министерства. Это расследование должно было быть не лучше и не хуже других. А работа, она и в Африке – работа. Сейчас главное, что наконец появилась возможность заняться делом, а не изнывать от скуки, бесцельно мотаясь по Москве.

Ему повезло, до Ломоносовского отдела полиции он до-

брался примерно за полчаса. Василий Колесов, начальник отдела и старый знакомый полковника, одновременно удивился и обрадовался его приезду. Но это удивление выросло вдвое, когда Колесов узнал, какое именно дело хочет забрать Гуров.

– Лева, получается, в нашей Москве с преступностью почти покончили, как и обещал когда-то Феликс Эдмундович, раз вы в Главке такими делами заниматься начали, – расхохотался Колесов. – Или опять она чьей-то особенной женой или любовницей оказалась?

– Ну, жена она точно чья-то, а вот насчет любовницы – еще не знаю, – улыбнулся в ответ Гуров. – Ситуация тебе и без меня известна. У меня есть начальник, а у него еще начальник, над которым тоже начальник, у которого есть друзья, которым нужно помогать.

– «В доме, который построил Джек», – процитировал Самуила Маршака Колесов. – Лева, может, по маленькой? Дело подождет, а мы не виделись сто лет...

– Вась, если честно, я только из отпуска, и наотдыхался до того, что скулы сводит, – отказался Лев. – А выпить мы с тобой еще успеем. Я пока с этим делом разбираюсь, недельку у вас часто появляться буду.

– Недельку? – опять расхохотался начальник отдела. – Ты у нас, конечно, ас, но это дело я пусть и мельком, но посмотрел. Там такая каша, что ты с ним, думаю, не недельку, а пару месяцев точно провозишься.

– Заинтриговал, стервец! – снова улыбнулся Гуров, подавшись заразительному веселью полковника. – Кто делом занимается?

– Пошли, отведу. А то у нас тут ребята серьезные. Решат, что ты аферист, мигом в «обезьянник» упакуют, – продолжил шутить Колесов, открывая перед ним дверь.

Дело о грабеже гражданки Астаховой Натальи Леонидовны отдали капитану Вардгесу Амбарцумяну. Тот, видимо осознавая, что это «висяк», особо им заниматься не спешил, успел лишь затребовать и получить запись с видеокамеры того банкомата, в котором ограбленная дама обналичивала денежные средства. А принимал заявление у потерпевшей и проводил ее предварительный опрос лейтенант Кривцов, дежуривший в отделе в день ограбления. Гурову было достаточно пары минут разговора с капитаном, чтобы понять, что тот даже имеющиеся материалы дела не изучал. В лучшем случае только прочитал заявление Астаховой. Амбарцумян, наслушавшийся легенд о грозном «важняке» из Главка, то краснел, то бледнел во время краткого разговора с полковником.

– Лева, ты уж извини его, – вступился за подчиненного Колесов, показывая ему за спиной Гурова кулак. – Работы у нас много, а это дело всего второй день лежит.

– Что выросло, то выросло, – пожал плечами Лев. – Где мне можно над материалами поработать? И еще, я бы хотел с Кривцовым поговорить.

– Работай здесь. Я Вардгесу соответствующее местечко отыщу, а Кривцова в течение часа тебе пригоню. Он сегодня на отдыхе, но на то она и служба, чтобы лейтенант не дремал!

Едва оба полицейских скрылись за дверью, Гуров тут же приступил к изучению скудных материалов, имеющих в деле о разбойном нападении на Астахову. Ситуация выглядела и банальной, и странной одновременно. Согласно заявлению, Наталья Леонидовна периодически посещала фитнес-клуб, расположенный между улицами Крупской и Марии Ульяновой.

В тот вечер она, как обычно, вышла из клуба и направилась к своей машине на стоянке, но тут ее перехватили два неизвестных в «балаклавах» и, угрожая пистолетом, затолкали в свою машину. Марку автомобиля дамочка, естественно, не запомнила, а из всех возможных примет преступников сказала только, что «они были здоровые и говорили страшными голосами».

В машине злоумышленники сказали Астаховой, что, как только она снимет с карты все имеющиеся деньги, они ее отпустят, а если будет дергаться – «кишки выпустят». Женщина с преступниками прокатилась недалеко. Почти напротив оздоровительного центра, возле которого Астахову захватили, находилось отделение одного из крупных банков, которое возглавлял ее муж, кстати, в тот момент, еще находившийся на работе. Преступники потребовали от женщины, чтобы она сняла с карты всю имеющуюся наличность, и вы-

садили из машины прямо перед банкоматом.

По словам Астаховой, пока она снимала деньги с карты, один из бандитов держал ее на прицеле, а второй был за рулем. Женщина сняла с карты около 150 000 рублей и своими руками отнесла наличные преступникам. Тот бандит, который держал ее на прицеле, забрал пакет с деньгами, после чего машина сорвалась с места и уехала по направлению к центру столицы. Дальнейшая судьба злоумышленников пока оставалась неизвестной. А на вопрос Кривцова, почему Астахова сняла с банковской карты абсолютно все сбережения, Наталья Леонидовна ответила: «А что я могла сделать? Они же на меня пистолет наставили!»

Конечно, подобную реакцию можно было списать на шок и потрясение от нападения, но, по словам пострадавшей, бандиты из машины не выходили, поэтому не могли видеть, сколько именно денег она снимает с карты, как и не называли сумму, какую именно желают получить. В связи с этим версию о том, что дамочка, к примеру, просто проиграла все деньги и, побоявшись признаться в этом мужу, придумала разбойное нападение, Гуров в сторону не отмел. На записи с камеры видеонаблюдения в банкомате действительно видно, что Астахова выходила из машины, чтобы снять деньги. На переднем пассажирском сиденье ее поджидал какой-то человек, которому она передала пакет, но был ли он в «балаклаве», на записи разобрать оказалось невозможно. Естественно, Гурову показался подозрительным тот факт, что Астахо-

ва опустошила весь банковский счет, а не сняла с него тысяч десять-двадцать, заявив бандитам, что больше нет ни копейки.

Вторая странность заключалась в том, что в качестве жертвы преступники выбрали именно жену банкира, а не кого-то еще из посетительниц фитнес-клуба. Конечно, Астахову могли выбрать совершенно случайно, как первую попавшуюся под руки, но Гуров в такие совпадения не верил. Он еще не изучал список всех женщин, кто в тот день был в оздоровительном центре вместе с банкиршей, но среди них наверняка найдутся и такие, у которых на картах редко бывает больше двадцати-тридцати тысяч рублей. Следовательно, цель для разбойного нападения бандиты выбрали заранее.

Камера в банкомате была, к сожалению, черно-белого изображения, поэтому рассмотреть цвет автомобиля за спиной Астаховой не удалось. К тому же она была расположена так, что едва захватывала кусок дороги, что делало невозможным определение и марки машины. В общем, в качестве улики запись с видеокamеры никуда не годилась. И первое, что предстояло сделать, это побеседовать с персоналом фитнес-центра и посмотреть записи с их уличных камер видеонаблюдения, если таковые там имеются.

К тому моменту когда Гуров закончил анализировать всю имеющуюся в материалах дела информацию, в дверь кабинета робко постучались, и, после того как он разрешил войти, внутрь едва ли не строевым шагом промаршировал мо-

лодой лейтенант.

– Товарищ полковник, лейтенант Кривцов по вашему приказанию прибыл, – по-уставному доложил он.

Увидев испуганную физиономию парня, которого уже, видимо, напичкали байками о том, насколько строг и грозен «важняк» из Главка, Гуров расхохотался, чем привел лейтенанта в полное смятение. Не ожидавший такой реакции, Кривцов испуганно осмотрел себя с ног до головы, выскивая в отутюженной форме, что так могло рассмешить старшего по званию.

– Тебя как зовут, орел? – отсмеявшись, спросил Лев.

– Алексей Кривцов, товарищ полковник, – доложил тот, вытянувшись по стойке «смирно».

– Хорошо, Леша. Во-первых, расслабься и присаживайся. Во-вторых, заканчивай с формализмом и зови меня Лев Иванович. А в-третьих, чего тебе такого про меня рассказали, что ты и дышать в моем присутствии боишься?

– Почему? Я не боюсь, – попытался хорохориться лейтенант. – Просто, согласно уставу, перед вышестоящим по званию положено...

– Все! Забудь мой предыдущий вопрос, – перебил его Гуров. – Присаживайся, говорю.

Кривцов осторожно присел на краешек стула и начал отвечать на вопросы. Вот только толку от этого было немного. По словам лейтенанта, Астахова ничем особенным от остальных «терпил» не отличалась. А вот ее муж – очень да-

же! Пострадавшая пришла в отдел вместе с ним, и Федор Валерьевич Астахов сразу стал требовать у лейтенанта, чтобы тот позвал начальника отдела. Поначалу Кривцов пытался вежливо объяснить, что по вечерам начальство обычно не работает, но тот продолжил давить на лейтенанта, и лишь когда Алексей пообещал арестовать буяна, успокоился, но стоял за спиной жены и чуть ли не каждое слово ей диктовал, когда она заявление писала.

Это натолкнуло Гурова на мысль, что супруг пострадавшей тоже может быть замешан в исчезновении денег, и не исключал вероятность того, что семейная парочка затеяла какую-то аферу, чтобы скрыть, к примеру, растрату, и решила инсценировать разбойное нападение. Он поинтересовался у лейтенанта, не заметил ли тот что-то подозрительное в поведении Астаховых, но Кривцов лишь покачал головой.

– Извините, Лев Иванович. Может, у меня еще нюх не натренирован, но ничего подозрительного они не делали. Она, как и остальные «терпилы», периодически плакать начинала, а он ее даже не пытался успокоить. Было видно, что дома он ей всыплет перца по первое число. Злой был как черт.

– А ты не видел, они приехали на машине или пришли пешком? Вдвоем, или с ними еще кто-то был?

– Не могу знать, – ответил Кривцов. – Можно записи с наружных камер посмотреть, там должно быть видно.

– Молодец, соображаешь. Я бы до этого не додумался, – хмыкнул Лев. – Сделай мне копии записей по Астаховым и

принеси сюда. У тебя 15 минут.

Лейтенант уложился даже в более короткое время, и Гурову показалось, что он носился по отделу бегом, лишь бы угодить грозному «важняку». Чуть улыбнувшись, Лев поблагодарил Кривцова и просмотрел принесенные на флешке файлы. Там оказалась и запись того, как Астаховы приходили в отдел, и запись снятия показаний с них. Последняя, правда, была без звука, но, судя по поведению четы Астаховых во время написания заявления потерпевшей, все происходило именно так, как и изложил лейтенант.

А вот видео с улицы было немного интересней. Запись тоже была черно-белой, но, насколько можно было судить в такой ситуации, цвет у автомобиля Астаховых был похожий на окраску машины, заснятой у банкомата. И приехали они в отдел втроем: Астахов на переднем пассажирском сиденье, его супруга – позади, а водитель из-за руля машины пару раз выбирался покурить, но Гуров и его внешность на всякий случай запомнил.

Собственно говоря, единственной пользой от этих видеозаписей было то, что Лев узнал, как выглядят супруги Астаховы. Внешне они казались полными противоположностями. Он – высокий, поджарый, с тонкими чертами лица, а она – полноватая, невысокая, круглолицая.

Гуров некоторое время раздумывал, вызвать обоих в отдел или съездить к ним самому. И у того, и у другого варианта были свои преимущества и недостатки. Судя по тому, как

вели себя Астаховы при снятии показаний, вызов в полицию легко выведет их из равновесия и заставит совершать недобродумные поступки, а в привычной обстановке они будут более расслаблены, поэтому раскроются шире. Скопировав все видеофайлы на свой планшетник, он отправился в гости к чете банкиров, решив по дороге позвонить Игорю Суркову. Старший лейтенант из аналитического отдела Главка умел работать оперативно и эффективно, собирая максимально полную информацию по любому объекту, и Лев попросил его провести анализ финансового состояния семьи Астаховых, а также получить любые данные о том, как работает филиал банка, который возглавляет супруг.

К тому моменту, когда он добрался до места работы Федора Валерьевича, старлей успел по электронной почте переслать ему затребованные данные. Судя по предварительному анализу Суркова, у Астахова не было финансовых причин придумывать аферу с ограблением собственной жены. Впрочем, пока это подозрений с него не снимало.

Федор Астахов показался Гурову человеком чванливым и высокомерным. И когда охрана в банке заявила полковнику, что ему придется подождать минут пятнадцать-двадцать, пока руководитель филиала сможет принять его, Лев даже на несколько секунд оторопел.

– Сообщите своему шефу, если он сию секунду не соизволит со мной пообщаться, я с ним буду разговаривать в другой обстановке, и поводом для разговора будет со-

всем другая причина, еще более ему неприятная, – заявил он охраннику.

Это подействовало, но поведения Астахова не изменило. Тот даже не поднялся из-за стола, когда Гуров вошел в кабинет, и не протянул ему руку для приветствия.

– Я не понимаю, что вам нужно от меня и почему вы меня отрываете от срочной работы, – недовольным тоном проговорил он. – Ограбили мою жену, а не меня. Чем я вам в этом могу помочь? Я даже не присутствовал на месте преступления.

Не отвечая на вопрос, Гуров прошел в глубь кабинета и посмотрел из окна на Ленинградский проспект. Судя по расположению комнаты, банкомат, в котором Наталья Леонидовна сняла деньги, находился в прямой видимости из окна, и Астахов мог наблюдать, как его жена снимала деньги.

– И часто ваша супруга пользуется банкоматом этого филиала? – спросил он, игнорируя недовольство банкира.

– А я обязан знать, в каких именно банкоматах моя жена снимает деньги? – В голосе Астахова прозвучала язвительность, смешанная с откровенным презрением.

– Федор Валерьевич, давайте определимся, – повернувшись к нему, жестко произнес Лев. – Во-первых, вопросы задаю только я. Во-вторых, на ваше положение и дружбу с Изметьевым мне наплевать. В-третьих, отвечать на мои вопросы вы будете с первого раза, без повторов, напоминаний и любопытства о том, почему я эти вопросы задаю. В-чет-

вертых, с вашей помощью или без нее, я это преступление раскрою. В-пятых, я терпеть не могу заносчивых, высокомерных и чванливых людей. И если вы не убавите уровень собственной спеси, я обязательно найду что-нибудь в вашей биографии, за что вас стоит привлечь к ответственности и раз и навсегда сбить вашу наглость по отношению к другим людям. В-шестых, после моего ухода поинтересуйтесь моей репутацией, чтобы не посчитать все вышесказанное пустой самовлюбленностью. И последнее. Я вам задавал вопрос. Слушаю ответ.

Тираду Гурова начальник банковского филиала выслушал, постепенно меняясь в лице. Он несколько раз порывался что-то сказать, но жесткий взгляд полковника не позволил этого сделать. Чем-чем, а отсутствием интеллекта банкир явно не страдал и сразу понял, что тот не блефует, и все, сказанное им, следует понимать буквально.

– Очень редко пользуется, можно сказать, практически никогда, – выдал из себя Астахов, отвечая на вопрос Гурова. – Она вообще наличными пользуется редко. Даже если ей приходится заказывать такси, она выбирает службу, в которой есть онлайн-касса.

– Видите, как все просто? – усмехнулся Лев, присаживаясь на стул, который поставил прямо напротив стола банкира. – Как много денег она тратит? В день, в месяц, в год?

– А ка... – начал было Астахов, но тут же осекся. – Траты за день никогда не подсчитывал. На свои прихоти в месяц

тратит тысяч тридцать-сорок. Если я выказываю недовольство, сокращает расходы до двадцати, но такое бывает нечасто. Я могу ей позволить тратить больше, но не хочу поощрять расточительство.

– А почему она не работает? – задал новый вопрос Гуров.

– В этом у нее никогда не было необходимости, – чуть брезгливо ответил банкир. – Ее папа долгое время был одним из топ-менеджеров этого банка, пока не ушел работать в Центробанк. До нашей женитьбы ее обеспечивал он, потом перепоручил эту обязанность мне. А можно мне, в свою очередь, задать вопрос?

– Нет, но я вам кое-что поясню, поскольку так будет проще для всех, – отрезал Гуров. – Пока я не исключаю возможности, что разбойное нападение – это всего лишь инсценировка. И для того, чтобы я так перестал думать, вам и вашей жене придется доказать мне обратное. Именно доказать, поскольку мы не на суде и на презумпцию невиновности мне наплевать.

Дальше разговор пошел проще, хотя иногда Астахов едва не лопался от негодования из-за того, что ему не разрешали задавать вопросы. Впрочем, он оказался человеком вполне разумным и ситуацию обострять даже не пытался. А к концу допроса Гуров и вовсе исключил его из списка подозреваемых.

Астахов рассказал, что женился по расчету, а не по любви. До свадьбы он был молодым и весьма амбициозным эконо-

номистом, поэтому решил сделать карьеру за счет дурнушки-дочери начальника отдела банка, в котором работал. Жену свою никогда не любил, но относился к ней как к банковскому активу, который нужно поддерживать в положительном балансе, чтобы его можно было продуктивно использовать.

По словам банкира, Наталья Леонидовна была женщиной недалекой и трусливой, но не капризной. Больших хлопот она мужу не доставляла, и он позволял ей спокойно тратить заработанные деньги, если это было в пределах разумного. В фитнес-клуб она стала ходить несколько месяцев назад. Что послужило причиной этого, Астахов у жены не спрашивал. Он вообще мало интересовался, чем живет его супруга и что ее интересует, если на свои увлечения она не тратила слишком много денежных средств. Потеря почти 150 000 рублей его тоже не особо волновала, но, поскольку это сильно подорвало душевное состояние его «банковского актива», Астахов хотел, чтобы дело обязательно раскрыли и виновные понесли наказание, чему всячески обещал содействовать.

С самой пострадавшей разговор получился еще менее информативным, если не считать того, что Гуров почти полностью исключил версию об инсценировке, которую сама Астахова и организовала. Она показалась ему слишком недалекой, чтобы провернуть такую аферу, и слишком трусливой, чтобы оказаться замешанной в уголовном преступлении.

С Астаховой Лев встретился у нее дома, поскольку Ната-

ля категорически отказалась куда-либо приехать, заявив, что теперь даже на лестничную площадку выйти боится. Жили супруги недалеко и от места нападения, и от работы мужа – на проспекте Вернадского, рядом со станцией метро «Университет», – и он добрался до их квартиры быстро. А вот разговор с Астаховой затянулся. Женщина в основном лишь причитала или рассказывала о том, как ее напугали те бандиты и сама ситуация.

К тому же Гуров выяснил, что о том, сколько у Астаховой обычно бывает денег на банковской карте, знало чуть ли не пол-Москвы, начиная с тренера по фитнесу и заканчивая заместителем министра Изметьевым, который довольно часто бывал у Астаховых в гостях. А о том, когда и куда она ходит, Наталья писала во всех социальных сетях, поэтому ее времяпрепровождение можно считать «секретом Полишинеля», и организатором разбойного нападения мог быть кто угодно.

В итоге Лев попросил женщину никуда не выезжать из города и поспешил убраться из ее дома, подальше от ее слез и стенаний.

Он решил наведаться в фитнес-клуб на улице Крупской, который посещала Наталья. В здании находилось несколько различных частных предприятий, и единственное, что их объединяло, это служба охраны, наблюдавшая за порядком. Допрашивать всех подряд сотрудников и посетителей оздоровительного центра было, конечно, бессмысленно, и Гуров отправился прямо к директору комплекса, сдающего в арен-

ду помещения желающим предпринимателям.

Директором оказалась вполне миловидная женщина лет пятидесяти, которая, судя по всему, достаточно много времени уделяла тренажерным залам, стараясь поддерживать себя в хорошей форме. Она сразу принялась очаровывать импозантного полковника, но, увидев, что ее уловки не срабатывают, с легким разочарованием проговорила:

– Вряд ли я вам чем-то смогу помочь в поисках этих негодяев, напавших на Наталью Леонидовну.

– А я и не особенно на это рассчитывал, – улыбнулся Лев. – Меня больше интересует, есть ли у вас камеры видеонаблюдения в этом месте, кто охранял в тот день здание и окна каких фирм выходят на стоянку, где напали на госпожу Астахову.

Всю информацию он получил довольно быстро. Более того, Светлана Владимировна сама вызвалась сопровождать Гурова по оздоровительному центру, чтобы облегчить ему поиск нужных людей. Те помещения, из окон которых можно было увидеть место похищения, занимали две фирмы. Но одна из них в тот день закончила работать раньше, а во второй и персонал и посетители настолько были заняты тренировками, что о нападении на женщину рядом с центром узнали только тогда, когда расходились по домам.

Служба охраны тоже ничем не порадовала. Камер видеонаблюдения на стоянке для машин не было. По одной из камер стояло у каждого входа в оздоровительный центр, но

расположены они были так, что ни стоянка, ни выезд с нее в объективы не попадали. Зато оказалось, что момент нападения видел один из охранников. Точнее, не само нападение, а то, как Астахова выходила из фитнес-клуба, и машину, уехавшую со стоянки сразу после этого. Но поговорить с ним, к сожалению, не получилось. Все сотрудники охранной фирмы работали по графику «сутки через трое», и этот охранник – Харитонов Олег Николаевич – должен был выйти на работу только послезавтра. Номер его телефона Гурову дали без лишних вопросов, но после вызова он услышал дежурную фразу: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Лев записал и домашний адрес Харитонова, но ехать к нему посчитал бесполезной тратой времени, поскольку его коллеги по службе сказали, что охранник подрабатывает еще где-то на стороне и дома его может попросту не оказаться. Посчитав, что на сегодня сделано более чем достаточно, он решил продолжить расследование завтра и отправился домой, даже не заезжая в Главк.

Глава 2

Утром следующего дня, войдя в свой кабинет, Лев только успел раздеться и, сев на рабочее место, включить компьютер, как раздался телефонный звонок. Он поднял трубку и услышал разгневанный голос генерала:

– Лева, ты что там творишь такое с потерпевшими? Ты зачем этому Астахову угрожал? Мне уже с утра Изметьев названивает, требуя, чтобы я тебя приструнил.

– Пусть требует, – усмехнулся Гуров, – будто ты первый раз с подобным сталкиваешься. Сам же знаешь, что я за рамки должностных полномочий могу перейти только в крайнем случае. Ну, чуть-чуть подучил банкира, как нужно с сотрудниками полиции разговаривать, и все.

– Ничего я уже не знаю, – недовольно проворчал Орлов. – Может быть, прав Прохоров, и тебя следовало на более длительный срок в отпуск отправить, для поправки нервной системы?

– Если ты еще раз при мне этого шарлатана упомянешь, я или его, или тебя пристрелю и оформлю все как несчастный случай! – разозлился Лев.

– Только в голову не стреляй. Некрасиво будет в гробу с дыркой в черепе лежать, – фыркнул генерал и примирительно добавил: – Ладно, занимайся своим делом. С министерскими чинушами я сам разберусь.

– Давно бы так, – согласился на мировую Гуров, отключил связь и повернулся к Стасу Крячко.

Напарник, к его удивлению, пришел на этот раз вовремя, но выглядел каким-то небрежным и помятым.

– Похоже, ты теперь на работе и днюешь и ночуешь, – с усмешкой заметил Лев.

– Благодаря вашему величеству, – фыркнул Крячко. – Пока ты по отпускам шатаешься и бездельничаешь, на меня Орлов столько дел свалил, словно я раздвоиться или растроиться в состоянии.

– Ну, что выросло, то выросло. А за мой отпуск Прохорова благодари.

– Уж поблагодарю, – пообещал Станислав. – А ты тоже хорош. Вечно свои жизненные принципы выпячиваешь, когда надо и не надо. Мог бы просто сделать то, что психолог просил, и мороки у всех было бы меньше.

– Ты еще поучи отца шнурки завязывать, – огрызнулся в ответ Лев. – Моя помощь нужна?

– Пока справляюсь, – отмахнулся Крячко. – Ты лучше со своим ерундовым разбойным нападением разберись и к нормальным делам подключайся.

В принципе, Гуров и без советов друга собирался так поступить. Сначала он затребовал у аналитиков все данные на Харитонова Олега Николаевича, а затем попытался вновь ему дозвониться. Охранник ответил после третьего звонка и ничуть не удивился тому, что полковник полиции хочет с

ним поговорить. Вот только попросил, если это возможно, не вызывать его в отдел, а встретиться на автомойке, на которой он подрабатывал.

– Работа не пыльная. Я тут двенадцать часов отработал, и три дня свободен, – пояснил Харитонов. – Сейчас со смены отпрошусь, уволить могут и не посмотрят, что меня в полицию вызывали. А мне эту подработку терять не хочется.

Гуров записал адрес автомойки и, прежде чем отправляться на встречу с охранником фитнес-центра, ознакомился с теми данными на него, которые успели собрать аналитики. В биографии Харитонова ничего особо привлекательного не было, кроме того, что он когда-то служил в полиции и дослужился до старшего сержанта ППС.

Олег после школы окончил училище, затем отслужил в армии, после чего сразу пошел в полицию. Из органов правопорядка он уволился по выслуге лет и с тех пор работает, где придется, но в основном в охранных фирмах. Женат, двое детей. Конфликтов с законом Харитонов вообще никогда не имел.

Усмехнувшись оттого, что прочитанное создало прямо идеальный образ добропорядочного российского гражданина, Лев отправился на встречу с Харитоновым. По московским меркам, сервис находился у черта на куличках – на 3-й Институтской улице, почти около МКАД, и ему пришлось добираться туда почти целый час, да еще и поплутать, отыскивая автомойку. А вот когда он туда наконец добрался, его

ждал неожиданный сюрприз – рядом с боксами для мойки машин стояли несколько патрульных автомобилей, а полицейские обтягивали территорию лентой ограждения. В душе у Гурова шевельнулось опасение, что что-то могло случиться с Харитоновым, и он поспешил узнать, насколько оно обоснованно.

Еще за несколько метров до места происшествия Лев понял, из-за чего полицейские наряды и опергруппа оказались в районе автомойки, – с одной из балок навеса над стоянкой для машин свешивался труп. Подъехавшие медики как раз собирались вынуть удушенника из петли.

– А ну-ка, подождите! – крикнул им Гуров, а когда к нему наперерез бросились сразу два пэпээсника, сунул им в нос «корочки». – Кто старший? Что здесь произошло?

– Капитан Нерадько, – представился один из следователей в гражданском. – Товарищ полковник, разрешите доложить...

– Давай проще, капитан, без формализма, – осадил его Лев. – Что случилось?

– Нам в отдел поступил звонок, что рядом с автомойкой висит удушенный мужчина, – ответил следователь. – Выслали в оцепление ближайшие наряды, а сами выехали в составе опергруппы, вместе с экспертами. «Скорая» приехала позже.

– Личность не установили? – для проформы поинтересовался Гуров, даже не рассчитывая на положительный ответ и осматриваясь по сторонам.

– Нет еще. Тело хотели осмотреть после того, как его из петли вынут, – пожал плечами капитан. – Вы же сами...

Лев поднял вверх руку, заставив следователя замолчать. Взгляд его остановился на стене за спиной повешенного, на которой виднелась явно свежая надпись, показавшаяся ему похожей на ту, что он увидел у себя в подъезде рядом с трупом соседа. Впрочем, похожи они были только абсурдностью фразы, полностью лишенной какого-то смысла.

«Наших деле самом поступков лежат на», – гласила эта странная надпись.

– Вы это сфотографировали? – указывая на фразу, спросил он у следователя.

– Вы считаете, это может иметь какое-то отношение к самоубийству? – удивился Нерадько.

– А вы, капитан, уже установили причину и способ смерти, чтобы делать такие заключения?

– Никак нет, – смутился следователь. – Это только версия.

– Отзовите всех людей за заграждение. Дайте мне одного эксперта с фотоаппаратом и ждите моей команды, – распорядился Гуров и, не дожидаясь, пока капитан начнет исполнять, направился к месту, где висел труп.

Под навесом над стоянкой для машин оказалось удивительно чисто. Видимо, работники автомойки убирались здесь недавно, еще до появления повешенного на балке. Рядом с трупом валялись два пластиковых ящика, которые, возможно, использовались во время удушения. Гуров осмот-

рел асфальт вокруг тела. В паре метров от трупа лежала старая и потертая коробка из-под молока, через разорванный верх которой были видны камушки гальки внутри, а сантиметрах в двадцати от нее какая-то картонная иконка была воткнута в трещину в асфальте. Кроме этих предметов, на чистой поверхности автостоянки не было никакого постороннего мусора, даже опавшей листвы.

Гуров вновь вернулся к трупу и осмотрел тело, не притрагиваясь к нему. Ни в одежде, ни во внешности повешенного он ничего необычного не заметил. Не было ни татуировок, ни больших родинок или шрамов, которые могли бы считаться особыми приметами. И единственным, что привлекло его внимание, оказалась старая пожелтевшая газета, торчавшая из правого кармана брюк удушенника.

– Коробку, икону, газету сфотографировать и отправить на экспертизу, – распорядился он, повернувшись к эксперту, шагавшему за ним по пятам, а затем посмотрел на Нерадько: – Капитан, у меня ощущение, что это вряд ли самоубийство. Сообщите мне, пожалуйста, когда придут результаты экспертизы.

– Значит, вы это дело забирать не будете? – удивился следователь, видимо решивший, что активный полковник из Главка сам займется раскрытием этого случая.

– Думаю, вы и без меня прекрасно справитесь, – улыбнулся Лев. – И простите мне мое вмешательство. Просто эта ситуация напомнила мне один сходный случай, хотя не так уж

сильно они и похожи оказались. Не забудьте про результаты экспертизы, – на всякий случай напомнил он капитану и, коротко попрощавшись, направился к въезду в автомойку, где уже собралась довольно большая толпа зевак, рассматривающих повешенного и наблюдающих за действиями полицейских.

– Есть тут Харитонов Олег Николаевич? – спросил Гуров, подходя к толпе.

– Я, – выдвинулся вперед сухощавый мужчина среднего роста с ранней сединой на висках.

– Где мы можем спокойно поговорить?

– Пойдемте со мной, – предложил мужчина.

Гуров вслед за Харитоновым прошел внутрь автомойки, состоявшей из трех боксов, в которых стоял лишь один автомобиль. Охранник из фитнес-клуба провел его в подсобное помещение, где, видимо, обычно отдыхал персонал сервиса. Сейчас комната была пуста. Либо Харитонов в настоящий момент был на автомойке единственным сотрудником, либо (что более вероятно) остальные работники присоединились к толпе зевак, наблюдавшей за полицейскими.

– Я – полковник Гуров из Главка, – представился Лев и протянул Харитонову руку. – Что вы можете рассказать о том вечере, когда похитили Наталью Астахову? – спросил он после того, как они с охранником-мойщиком обменялись рукопожатиями.

– Наталья Леонидовна, как обычно, вышла из оздорови-

тельного центра одна, – начал было свой рассказ охранник, но Лев перебил его:

– Как обычно? А мне показалось, что она с легкостью заводит друзей...

– Насчет друзей не знаю, но Астахова в клубе занимается чуть больше двух месяцев и всегда уходит за полчаса до того, как оканчиваются занятия у ее группы, – пояснил Харитонов. – Я как-то поинтересовался, почему не работает на тренировке до конца, на что Наталья Леонидовна ответила, что у нее сил не хватает, но со временем она надеется подтянуться до общего уровня.

– Ясно, – кивнул Гуров. – И что было после того, как Астахова вышла из здания?

– Чтобы добраться до автостоянки, ей нужно было пойти направо, и через несколько шагов она из поля зрения пропадает, – пояснил охранник. – Минуты через полторы после того, как я ее потерял из виду, с автостоянки на довольно высокой скорости выскочила машина. Мне показалось это подозрительным, и я вышел на улицу посмотреть, в чем дело.

– И почему выехавшая со стоянки машина показалась вам подозрительной?

– Во-первых, я ее ни разу около оздоровительного клуба не видел: наши клиенты на таких развалюхах просто постыдились бы ездить. Не видел, как она и на стоянку заезжала. Хотя эта тачка могла попасть на территорию и с другого въезда. Вот только если она зачем-то приезжала в оздорови-

тельный центр, ни водитель, ни пассажир машины внутрь не заходили, – ответил Харитонов. – А во-вторых, помимо того что со стоянок обычно на таких скоростях не выезжают, машина вся в грязи была, словно ее с весны не мыли.

– Значит, раз машина была в грязи, номер вы не заметили?

– Не совсем так. Номера как раз были абсолютно чистыми, словно водителя пару раз штрафовали за грязные номерные знаки. Но когда я вышел, машина в этот момент поворачивала направо, и я успел заметить только две последние цифры и буквы, а еще – регион, то ли 64, то ли 84 МК, 50-й регион. Модель точно назвать не могу, но это зеленый «БМВ» конца 80-х или начала 90-х годов. Е 30 или Е 32.

– Так вы еще и в машинах разбираетесь? – удивился Гуров.

– Есть немножко, – ухмыльнулся Харитонов. – Я в 90-х совсем сопляком был, а такие тачки для нас несбыточной мечтой тогда казались. Даже сейчас они мне привлекательными кажутся.

Больше ничего полезного от охранника узнать не удалось. Харитонов рассказал, что, после того как подозрительная машина скрылась со стоянки, он осмотрелся по сторонам, опасаясь, что «БМВ» мог сбить Астахову на такой скорости и умчаться прочь, но женщины он нигде не увидел, а вот ее машина осталась там, где Астахова ее и оставляла. Обеспокоенный Харитонов вернулся в здание и попросил руководителя фитнес-клуба связаться по телефону с Астаховой,

узнать, все ли у нее в порядке. Телефон у женщины не отвечал. А чуть позже, когда ее муж сам приехал за машиной, Харитонов узнал, что на нее было совершено разбойное нападение.

Собственно, на этом разговор можно было и заканчивать. Гуров попросил охранника никуда не уезжать из Москвы в ближайшие дни и, попрощавшись, вышел на улицу. К этому времени полицейские уже уехали с места происшествия, отправив с медиками тело повешенного и оставив, по обыкновению, ленту ограждения на месте преступления. Лев тоже сел в свою машину и отправился в Главк.

По дороге он раздумывал над странными совпадениями. Ему не давало покоя, что второй день подряд он натывается на трупы. Лев попытался проанализировать все факты, касающиеся обоих трупов, но ничего общего между ними не находил.

В первом случае было очевидным убийство, возможно, с целью ограбления, поскольку Гуров не нашел рядом с трупом соседа его любимой сумки, с которой тот ходил постоянно. Мусор рядом с трупом мог что-то значить, а мог и совсем ничего не значить. Может быть, сосед выносил пакет с мусором, и он рассыпался во время потасовки, а убийца, не имея времени разобраться, схватил все, что попало под руки, и скрылся с места преступления.

Второе происшествие и вовсе не выглядело преступлением. Действительно, трудно было себе представить, чтобы

среди белого дня кто-то кого-то повесил прямо в людном месте, и ни один человек этого не заметил, а жертва совершенно не сопротивлялась. По крайней мере, визуально следы борьбы обнаружить не удалось.

Единственное, что смущало Гурова, это надписи. Несмотря на отличную память, он так и не смог вспомнить, что именно было написано на стене его подъезда, поскольку и читалась, и звучала фраза абсолютной абракадаброй. Да и от второй надписи на автомойке вспомнилась лишь пара слов. Объединяло эти наборы слов только то, что они были полной бессмыслицей, которая может быть каким-то современным подростковым сленгом, или элементами новой опасной игры вроде «зацепинга»: типа, «я побывал рядом с трупом и оставил сообщение».

Удивительно, но, для того чтобы проверить эту версию, первой мыслью, пришедшей в голову, оказалось желание обратиться за разъяснениями к штатному психологу Главка. Но едва эта идея появилась, как Гуров с яростью прогнал ее. Прохорова он даже видеть не мог, а уж обращаться к нему за консультацией и вовсе посчитал зазорным. А вот проверить версию того, что надпись могли делать абсолютно не причастные к смертям подростки, которые могли даже видеть, как все это происходило, действительно следовало. И сделать это можно было куда проще и профессиональнее, чем бегать за советами к шарлатанам от психологии. Современная молодежь очень сильно увлекалась всевозможными со-

циальными сетями, размещала там посты с фотографиями всех событий своей жизни, и нужно было просто дать задание Суркову поискать в интернете фотографии подростков с подобными надписями, тогда все могло бы встать на свои места.

Но Гуров решил, что это подождет и он подумает, подключаться ли к расследованию двух смертей или нет, только после того, как узнает результаты экспертизы. А пока нужно заняться своим расследованием и в первую очередь найти владельца старенького «БМВ» Е 30 или Е 32 с неизвестным до конца государственным регистрационным номером.

По возвращении в Главк Гуров решил сначала зайти к полковнику Пустынцеву, начальнику экспертно-аналитического отдела, в котором работал капитан Сурков. Хотя Лев и не любил формализма, он отлично знал, что Пустынцев – буквоед и не любит, когда его спецы занимают теми делами, которые он лично им не поручал. Возможно, для поиска «БМВ» аналитику потребуется куда больше времени, чем на получение финансовой информации по Астахову, и если Сурков сейчас занимался каким-нибудь важным делом, ему пришлось бы либо отказать Гурову, либо нарушить приказ непосредственного начальника.

Конечно, можно было решить все проблемы, просто сообщив Орлову, что ему нужен именно Сурков, но, во-первых, Гуров не любил пользоваться своей дружбой с генералом внутри Главка, а во-вторых, Пустынцев был неплохим

человеком и редко отказывался выполнять личные просьбы Гурова. И когда Лев вошел к нему в кабинет, пожилой и грузный полковник поднялся к нему навстречу и широко улыбнулся, протягивая руку для приветствия.

– Какими судьбами, Лев Иванович?! Неужели в поисках парочки разбойников понадобилась какая-то особенная помощь?

– Похоже, абсолютно все в Главке знают, чем я сейчас занимаюсь, – удивленно покачал головой Гуров.

– А чего ты хочешь? – рассмеялся Пустынцев. – Про твою войну с психологом все наслышаны. И о том, что за ней последовало, тоже. Думаешь, у нас многие любят на беседы к Прохорову ходить? Всем же интересно, можно ли этому «мозгоправу» по рогам надавать? Если у тебя получится, кто-нибудь еще это сделать точно попробует. Да и если не получится, попробуют тоже! Не сдастся Прохоров, говоришь?..

– Не буду размахивать шашкой, мы еще поборемся! – пресекая беседы о психологе, отмахнулся Лев. – Слушай, Иван Петрович, у тебя Сурков сильно загружен?

– А у меня никто без дела не сидит, – усмехнулся полковник. – Надолго он тебе нужен?

– Пока не знаю. Может быть, на пару дней, а может, и подольше. Припишешь его ко мне?

– Понравился тебе парень? – спросил Пустынцев и, не ожидая ответа, продолжил: – Мне тоже! Молодец, работает

классно, субординацию исправно соблюдает. У меня зам все на пенсию собирается уходить, и, если Сурков не накосячит, к концу года буду подавать рапорт о том, чтобы ему досрочно очередное звание присвоили, а затем на место заместителя начну подтягивать.

– Иван Петрович, избавь меня от ваших семейных отношений! – отмахнулся Лев. – Мне сейчас некогда его судьбу обсуждать. Просто скажи, дашь мне парня или нет?

– Дам, – коротко ответил полковник. – Но с одним условием... Если Сурков тебе поможет, представь его к благодарности по службе.

– Договорились! – кивнул Гуров и, скрепив «делку» крепким рукопожатием, отправился в огромный кабинет, где работали все спецы аналитического отдела.

Игорь Сурков обрадовался визиту Гурова, поскольку без труда догадался, что это может означать только одно – длительную работу под началом одного из лучших сыщиков страны. Аналитик очень любил трудные задачи и отлично знал, что у Гурова легких дел не бывает. Конечно, он был наслышан, что сейчас полковник расследует банальное разбойное нападение, но если ему потребовался аналитик, значит, в этом деле не все так просто, как кажется на первый взгляд.

Лев доходчиво и максимально быстро объяснил Суркову условия задачи. Аналитику нужно было не только найти все зарегистрированные «БМВ», подходящие по парамет-

рам, которые обрисовал охранник фитнес-клуба, но даже те, которые были сняты с учета в последние год-два. А еще попросил акцентировать внимание на любых штрафах, выписанных машинам с подходящими номерами, поскольку не исключал возможности, что Харитонов ошибся. Номера на «БМВ» могли быть чистыми не только потому, что хозяина штрафовали, а еще и потому, что бандиты могли попросту снять их с другой машины. В этом случае требовалось проверить, не подавал ли кто заявление о замене сходных номеров из-за кражи, утери или продажи автомобиля.

Еще одной задачей, которую поставил перед аналитиком Гуров, был сбор информации о владельцах всех машин, которые подойдут под описание. Ему пока нужно было немного – знать, имели ли они криминальное прошлое или какие-то связи с преступным миром, – но и это тоже требовало времени для проверки. Нагрузив Суркова целым ворохом задач, Лев посмотрел на часы. Как раз к этому времени собиралась на занятия в оздоровительном центре та группа, в которой тренировалась Астахова, и он решил прокатиться туда, чтобы попытаться получить какую-нибудь дополнительную информацию.

В группе занималось десять-двенадцать женщин, в основном старше сорока лет, и было видно, что большинство из них занимаются фитнесом регулярно. По крайней мере, лишнего жирка не наблюдалось почти ни у кого, за исключением двух-трех дам.

Когда Лев вошел в зал для занятий, взгляды всей группы обратились на него, но упражнения дамы не прервали до тех пор, пока не закончили цикл занятий. Затем к нему подошла инструктор и поинтересовалась, что именно ему нужно в женской группе и не ошибся ли он дверями? Гуров представился и показал удостоверение.

– Здравствуйте. Меня зовут Марина Селезнева, – в свою очередь, представилась ему инструктор группы. – Вы по поводу Наташи Астаховой?

– Да. Я бы хотел задать несколько вопросов о ней. Вы не знаете, с кем она здесь была особенно близка?

– С Анечкой Фроловой. Это именно она Наташу к нам на занятия привела, – ответила Селезнева и повернулась к своей группе. – Анечка, подойди сюда, пожалуйста. С тобой господин полковник хочет поговорить.

Анна Николаевна Фролова оказалась примерно ровесницей Астаховой, но выглядела ухоженной и привлекательней, а во взгляде ее Гуров легко распознал хищницу, которая выслеживает очередную добычу мужского пола. Впрочем, сыщика она лишь оценила, и не более того. После того как Селезнева проводила их в комнату инструктора и вышла, оставив их одних, Анна несколько секунд прислушивалась к шороху удаляющихся шагов, а затем, удовлетворенно кивнув головой, заговорила:

– Не люблю, когда обслуживающий персонал сует нос во все дела. Высокомерием я не страдаю, но считаю, что каж-

дый должен знать свое место. Так чем я могу помочь?

– Многие знали о финансовых возможностях Натальи Леонидовны? – спросил Гуров.

– Все, с кем она общалась, – не раздумывая, ответила Анна. – Наташа, конечно, пыталась выглядеть беззаботной, но было очевидно, что денег ей постоянно не хватает. Она даже приличную вещь себе без разрешения мужа не могла позволить купить. Он ей только на карманные расходы и давал.

– А мне Федор Валерьевич сказал, что в деньгах его супруга не нуждалась... – начал было Гуров, но Фролова его перебила:

– В деньгах? Двадцать-тридцать тысяч «деревянных» – это деньги? Да не смешите мои тапочки! Я на один ужин больше трачу, чем он ей на целый месяц дает, жмот! На мешке с деньгами сидит, а вечно каждую копейку считает. Точно так же, как и Наташкин папашка. Он ее и замуж-то выдал за такого же скупердяя, каким сам всю жизнь является.

– А враги у Астаховой были? – задал Лев очередной вопрос.

– Кроме мужа? Ни единого! – выпалила Анна.

– А почему вы называете Федора Валерьевича врагом Натальи Леонидовны?

– А как еще можно назвать человека, который родной жене кислород перекрывает? – возмущенно ответила Фролова. – Так же жить невозможно, когда приходится у мужа каждую копейку выпрашивать! Я, честно говоря, думаю, что это

похищение Наташки он сам и организовал. Исключительно для того, чтобы напугать до чертиков, а потом начать пилить: «Помнишь, что с тобой случилось? Тебе деньги вообще доверять нельзя!»

– Интересная теория, – усмехнулся Лев. – И чем вызваны такие выводы?..

Следующие полчаса он выслушивал умозаключения Фроловой о том, каким тираном является Федор Астахов и почему никому, кроме него, даже в голову не могло прийти обидеть «бедную Наташеньку». А в тех кругах, где она обычно бывала, на сотню-другую тысяч рублей могли позариться только уборщицы и посудомойки, а у этого контингента, по словам Фроловой, не хватило бы мозгов, чтобы такое ограбление организовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.